

УДК 332.1

**ДАЛЬНИЙ ВОСТОК РОССИИ НА ЭТАПЕ
ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ПЕРЕНАСТРОЙКИ:
ИНВЕСТИЦИОННОЕ УСКОРЕНИЕ, МИГРАЦИОННЫЙ СДВИГ И
СЦЕНАРНЫЙ ПРОГНОЗ ДО 2028 ГОДА
THE RUSSIAN FAR EAST AT THE STAGE OF INSTITUTIONAL
RECONFIGURATION: INVESTMENT ACCELERATION,
MIGRATION SHIFT AND SCENARIO FORECAST UP TO 2028
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ**

Пашко Андрей Викторович — магистрант 2 курса, РАНХиГС (Хабаровский филиал), г. Хабаровск, Российская Федерация;

АННОТАЦИЯ

В статье исследуется современная динамика социально-экономического развития Дальневосточного федерального округа в 2024–2026 гг. и оцениваются среднесрочные перспективы макрорегиона до 2028 г. В отличие от описательного обзора статистических показателей акцент сделан на выявлении противоречия между ускорением инвестиционной активности и сохраняющимися структурными ограничениями: сырьевой специализацией, высокой внутренней поляризацией, инфраструктурными издержками и неоднородным качеством жизни. Показано, что зафиксированный в 2024 г. положительный миграционный сдвиг не устраняет долгосрочной демографической уязвимости ДФО, но создаёт условия для её преодоления — при условии закрепления через жилищные, кадровые и социальные инструменты. Методологическую основу составляют сравнительный анализ, систематизация официальной

статистики, институциональный анализ и сценарный подход. Прогноз до 2028 г. представлен как авторская сценарная оценка; его результаты определяются темпами реализации крупных инвестиционных проектов, пропускной способностью транспортной инфраструктуры, доступностью трудовых ресурсов и внешнеэкономической конъюнктурой. Сделан вывод о необходимости перехода от преимущественно инвестиционной модели развития к комплексной модели, в рамках которой экономические стимулы дополняются механизмами прямой выгоды для населения, развитием социальной инфраструктуры и повышением локальной связанности региональных экономик.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Дальний Восток; региональное развитие; инвестиции; демографическая политика; миграционный сдвиг; территории опережающего развития; качество жизни; ресурсная зависимость; сценарный прогноз.

ABSTRACT

The article examines the current socio-economic dynamics of the Far Eastern Federal District in 2024–2026 and assesses the medium-term prospects of the macroregion up to 2028. Unlike a purely descriptive review of statistical indicators, the study focuses on the contradiction between accelerating investment activity and persistent structural constraints: resource-based specialisation, internal polarisation, infrastructure costs, and uneven quality of life. The positive migration shift recorded in 2024 is interpreted not as a final resolution of demographic vulnerability, but as a signal requiring consolidation through housing, human-capital, and social-policy instruments. The research employs comparative and institutional analysis, systematisation of official statistics, and scenario forecasting. The forecast up to 2028 is presented as an authors' scenario estimate rather than a deterministic prediction; its outcomes

depend on the implementation pace of major investment projects, transport capacity, labour availability, and external market conditions. The article concludes that the Russian Far East needs to transition from a predominantly investment-driven development model toward a more integrated model combining economic incentives with direct benefits for the population, social infrastructure development, and stronger local economic linkages.

KEYWORDS

Russian Far East; regional development; investments; demographic policy; migration shift; advanced special economic zones; quality of life; resource dependence; scenario forecast.

1. ВВЕДЕНИЕ

Развитие Дальнего Востока России представляет собой одну из наиболее сложных и стратегически значимых задач национальной региональной политики. Макрорегион обладает исключительным ресурсным, транзитным и геостратегическим потенциалом: на его долю приходится около 36% территории страны при численности населения, не превышающей 6% от общероссийского показателя. Вместе с тем хозяйственная система ДФО формируется в условиях высокой пространственной удалённости, низкой плотности расселения, повышенных инфраструктурных издержек и устойчивой зависимости от внешних рынков сырьевых ресурсов.

В 2015–2025 гг. государственная политика была последовательно ориентирована на создание специальных институтов ускоренного развития: территорий опережающего развития (ТОР), режима Свободного порта Владивосток (СПВ), механизмов инфраструктурной поддержки крупных проектов, программы «Дальневосточная ипотека» и мастер-планов городов. Совокупность этих инструментов позволила существенно

усилить инвестиционную активность и сформировать новые точки экономического роста.

Вместе с тем накопленная динамика свидетельствует о том, что инвестиционный рост не трансформируется автоматически в устойчивое социально-экономическое развитие. Для ДФО сохраняется риск воспроизводства «анклавной» модели, при которой реализация крупных проектов увеличивает макроэкономические агрегаты, но оказывает ограниченное воздействие на качество жизни, диверсификацию занятости и закрепление населения [7; 8].

Исследовательский вопрос статьи формулируется следующим образом: является ли положительная динамика 2024–2025 гг. признаком устойчивой смены модели развития ДФО или она отражает преимущественно эффект крупных проектов и мер государственной поддержки, требующий институциональной и социальной фиксации?

Гипотеза исследования: инвестиционное ускорение создаёт необходимые, но недостаточные условия для устойчивого развития Дальнего Востока. Без усиления социальной инфраструктуры, кадровой политики, локальных цепочек добавленной стоимости и механизмов прямой выгоды для населения сохраняется риск сырьевой и пространственно поляризованной траектории роста.

Цель статьи — оценить современный этап развития ДФО, выявить сохраняющиеся ограничения инвестиционной модели и предложить сценарную интерпретацию перспектив макрорегиона до 2028 г.

2. МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Эмпирическую основу исследования составили официальные статистические материалы Росстата о социально-экономическом положении Дальневосточного федерального округа, материалы Правительства Российской Федерации, Министерства Российской

Федерации по развитию Дальнего Востока и Арктики, Корпорации развития Дальнего Востока и Арктики, а также научные публикации по проблематике пространственного развития, ресурсной зависимости и региональной политики.

В работе принципиально разграничены три типа данных: 1) фактические статистические показатели, публикуемые Росстатом; 2) ведомственные оценки и сообщения о ходе реализации государственной политики; 3) авторские сценарные расчёты. Такое разграничение исключает методическую ошибку, при которой прогнозные или ведомственные оценки ошибочно трактуются как официальная статистика.

Методологический инструментарий включает: сравнительный и институциональный анализ, систематизацию статистических данных, логический синтез, а также сценарный подход. Прогноз до 2028 г. рассматривается как оценка возможных траекторий при сохранении или изменении ключевых условий развития, а не как детерминированное предсказание. Сценарный подход обеспечивает методологическую корректность в условиях высокой неопределённости и нелинейности региональных социально-экономических процессов [12].

3. РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

3.1. Экономическая динамика 2025 г.: инвестиционное ускорение в условиях сохраняющихся структурных ограничений

По предварительным данным Росстата и ведомственным оценкам, 2025 г. подтвердил сохранение положительной экономической динамики ДФО. Показатели промышленного производства, строительства, сельского хозяйства и реальной заработной платы развивались темпами, сопоставимыми или более высокими по сравнению со среднероссийскими (таблица 1, рисунок 1) [1].

Вместе с тем использование понятия «прорыв» применительно к данному этапу требует методической осторожности. Более корректной является характеристика «инвестиционное ускорение»: значительный объём вложений и запуск крупных проектов не устраняют отраслевой зависимости макрорегиона от добычи природных ресурсов, энергетики, транспорта и первичной переработки. Структурная диверсификация экономики ДФО остаётся ключевой нерешённой задачей.

Таблица 1. Отдельные показатели социально-экономической динамики ДФО и РФ в 2025 г. (% к предыдущему году)

Показатель	ДФО	РФ	Интерпретация
Промышленное производство	102,6	102,0	Умеренное опережение
Строительство	107,9	102,7	Значимое опережение
Сельское хозяйство	109,4	104,9	Выраженная позитивная динамика
Реальная заработная плата	104,2	103,0	Рост выше среднероссийского уровня

Источник: составлено авторами по данным Росстата [1].

Рис. 1. Основные социально-экономические индикаторы ДФО и РФ в 2025 г. (% к предыдущему году)

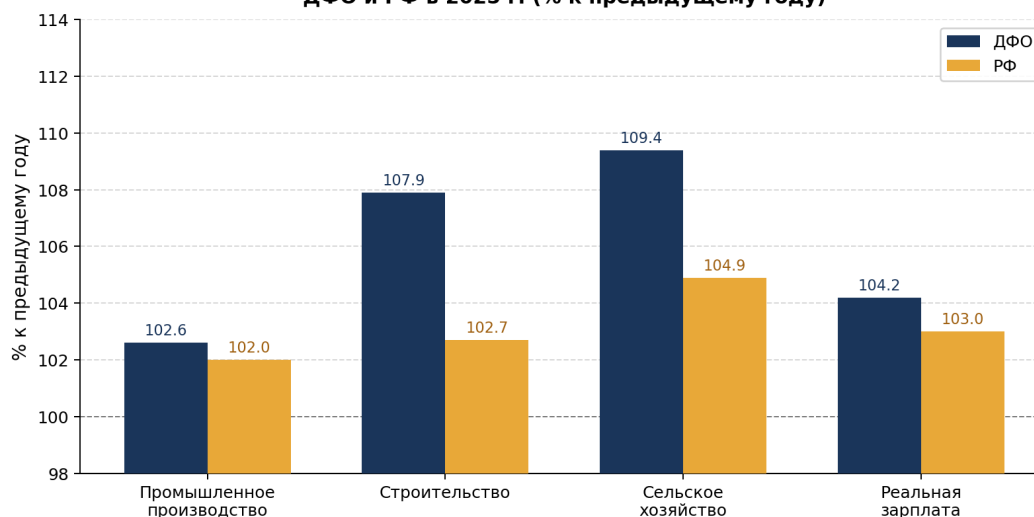

Рис. 1. Основные социально-экономические индикаторы ДФО и РФ в 2025 г. (% к предыдущему году)

Источник: составлено авторами по данным Росстата [1].

Инвестиционная структура ДФО демонстрирует двойственный характер развития (таблица 2, рисунок 2). С одной стороны, высокая доля

транспорта и хранения, а также обрабатывающих производств свидетельствует о формировании инфраструктурных и производственных заделов. С другой стороны, добывающий сектор сохраняет системообразующую роль (около 29% вложений), что поддерживает зависимость регионального роста от конъюнктуры сырьевых рынков [10; 11].

Таблица 2. Отраслевая структура инвестиций в основной капитал ДФО (оценка 2024–2025 гг.)

Вид экономической деятельности	Доля, %
Добыча полезных ископаемых	29
Обрабатывающие производства	24
Транспортировка и хранение	19
Обеспечение электроэнергией, газом и паром; ЖКХ	5
Строительство	4
Сельское хозяйство, лесное хозяйство, рыболовство	3
Прочие виды деятельности	16
Итого	100

Источник: расчёты авторов на основе статистических материалов [1; 3].

Рис. 2. Отраслевая структура инвестиций в основной капитал ДФО (оценка 2024–2025 гг., %)

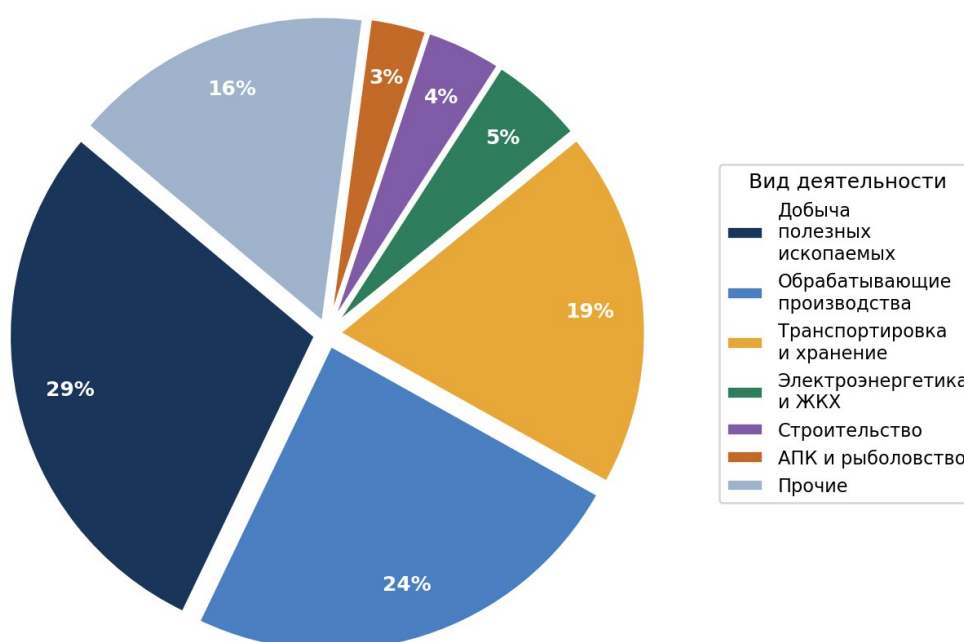

Рис. 2. Отраслевая структура инвестиций в основной капитал ДФО (оценка 2024–2025 гг., %)

Источник: расчёты авторов на основе материалов [1; 3].

3.2. Социальные показатели и демографический сдвиг

Социальная динамика ДФО в 2025 г. характеризуется ростом номинальной и реальной заработной платы, низким уровнем безработицы в ряде субъектов и сохранением значительной межрегиональной дифференциации (таблица 3, рисунок 3). Средние показатели макрорегиона скрывают существенный разрыв между ресурсными субъектами с высокой бюджетной обеспеченностью (Чукотский АО, Магаданская и Сахалинская области) и территориями с относительно слабой производственной базой (ЕАО, Забайкальский край, Республика Бурятия) [9].

Отдельного методического уточнения требует миграционная динамика. Положительный миграционный результат (около +24 тыс. человек) корректно относить к итогам 2024 г.; применительно к 2025–2026 гг. его следует рассматривать как основу для закрепления тенденции, а не как окончательно преодолённый демографический кризис. Научно более точной является формулировка «положительный миграционный сдвиг», поскольку долгосрочная устойчивость демографических показателей определяется совокупностью факторов: уровнем рождаемости, возрастной структурой, доступностью жилья, медицинских услуг, образования и качеством городской среды.

Таблица 3. Номинальная заработная плата и уровень безработицы по субъектам ДФО (2025 г.)

Субъект РФ	Номинальная з/п, тыс. руб.	Безработица, %
Чукотский автономный округ	208	2,8
Магаданская область	156	2,5
Сахалинская область	149	2,5
Камчатский край	124	2,9

Республика Саха (Якутия)	108	5,1
Приморский край	87	3,0
Хабаровский край	86	2,6
Амурская область	85	3,8
Забайкальский край	84	7,8
Еврейская автономная область	83	4,4
Республика Бурятия	80	7,9
Среднее по ДФО	~104	~4,1

Источник: составлено авторами по данным Росстата [1].

Рис. 3. Региональная дифференциация заработной платы и безработицы по субъектам ДФО (2025 г.)

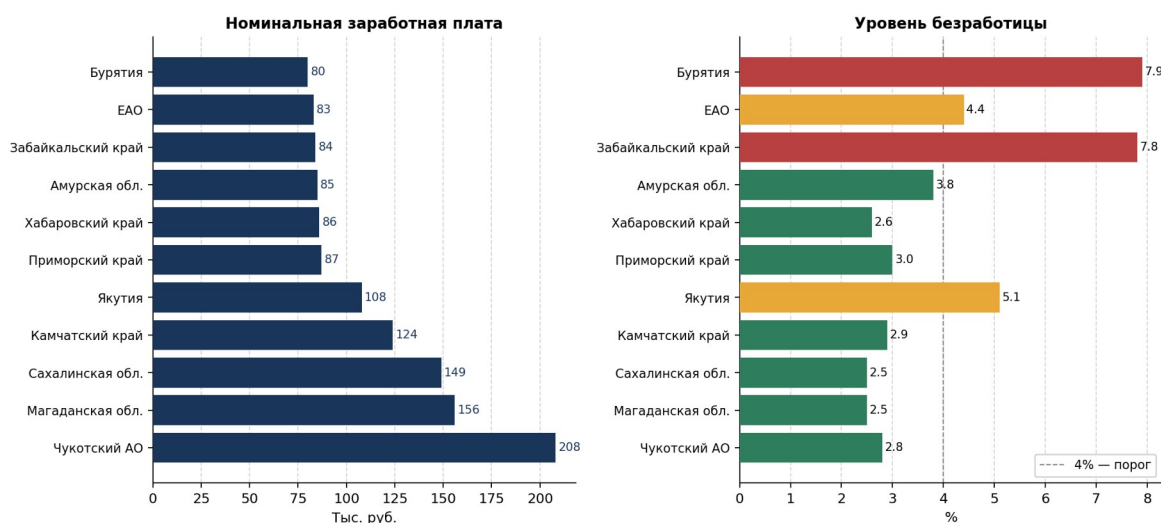

Рис. 3. Региональная дифференциация заработной платы и уровня безработицы по субъектам ДФО (2025 г.)

Источник: составлено авторами по данным Росстата [1].

С точки зрения устойчивого развития принципиально важен не сам факт миграционного прироста, а способность институтов развития конвертировать его в долгосрочное закрепление населения. Для этого требуется не только создание рабочих мест, но и снижение повседневных издержек жизни: транспортных, жилищных, медицинских, образовательных и коммунальных.

3.3. Институциональная перенастройка: от инвестиционных режимов к политике качества жизни

Ключевой институциональной новацией 2026 г. стало утверждение Стратегии демографической политики Дальнего Востока на период до

2030 г. и на перспективу до 2036 г. (распоряжение Правительства РФ от 2 февраля 2026 г. № 170-р). Документ фиксирует переход от понимания демографии как производного следствия экономического роста к её рассмотрению как самостоятельного объекта государственной политики [2].

Необходимо методически разграничивать демографическую стратегию и стратегию социально-экономического развития ДФО до 2030 г. с прогнозом до 2036 г. Последняя, согласно поручениям Правительства РФ, подлежит подготовке к 15 июля 2026 г.; следовательно, в научном тексте её корректно характеризовать как разрабатываемую, а не как уже принятую [4].

Особого внимания требует тезис о долгосрочном закреплении преференциальных режимов. В публичном дискурсе обсуждается переход к единому преференциальному режиму для Дальнего Востока и Арктики, однако окончательная нормативная конструкция должна описываться через конкретные правовые акты. В настоящей статье речь идёт об институциональной повестке по унификации и долгосрочному закреплению механизмов поддержки, а не о завершённом законодательном факте [5].

Таблица 4. Ключевые институциональные инструменты развития ДФО (2015–2026 гг.)

Инструмент	Год введения	Основная функция	Текущий статус
Территории опережающего развития (ТОР)	2015	Привлечение инвесторов, налоговые и таможенные льготы	Действует; обсуждается унификация с арктическими режимами
Свободный порт Владивосток (СПВ)	2015	Упрощение ВЭД, льготный режим для резидентов	Действует
«Дальневосточная ипотека»	2019	Льготное жилищное кредитование (ставка 2%)	Действует; параметры корректировались в 2024–2025 гг.

Мастер-планы городов ДФО	2022	Комплексное пространственное развитие городов	Реализуются (более 25 городов)
Стратегия демографической политики ДФО до 2030/2036 г.	2026	Самостоятельная цель — сохранение и рост населения	Утверждена (распоряжение № 170-р от 02.02.2026)
Стратегия СЭР ДФО до 2030/2036 г.	Разрабатывается	Комплексный документ стратегического планирования	Срок подготовки — 15.07.2026

Источник: составлено авторами по материалам [2; 3; 4; 5; 6].

3.4. Сохраняющиеся структурные ограничения

Даже при положительной экономической динамике ДФО сохраняет характеристики удалённого ресурсного периферийного макрорегиона. Выделим четыре ключевых ограничения.

Во-первых, значительная доля добывающего сектора в валовой добавленной стоимости поддерживает зависимость от внешней ценовой конъюнктуры («ресурсное проклятие» в интерпретации Auty и Sachs — Warner) [10; 11]. Снижение мировых цен на углеводороды, золото или рыбопродукцию непосредственно транслируется в падение региональных доходов.

Во-вторых, крупные инвестиционные проекты нередко имеют анклавный характер: они формируют производственный и налоговый эффект, однако не всегда создают широкую сеть местных поставщиков, предприятий малого бизнеса и рабочих мест для жителей прилегающих территорий.

В-третьих, внутренняя поляризация между субъектами ДФО остаётся высокой. Сахалинская область, Республика Саха (Якутия), Приморский и Хабаровский края аккумулируют значительную часть экономической активности, тогда как Еврейская автономная область, Забайкальский край, Республика Бурятия и ряд районов Камчатки и Магаданской области нуждаются в более адресных инструментах поддержки.

В-четвёртых, рост денежных доходов населения не полностью компенсирует высокую стоимость жизни. Для макрорегиона принципиальное значение имеют обеспеченность жильём, доступность медицинских услуг, качество коммунальной инфраструктуры, транспортная связанность и возможность получения образования без вынужденной миграции в центральные регионы страны [9].

3.5. Сценарный прогноз до 2028 г.

Прогноз до 2028 г. представлен в сценарной форме, что методологически предпочтительнее линейной экстраполяции в условиях высокой неопределённости. Развитие ДФО определяется несколькими группами факторов: темпами реализации крупных инвестиционных проектов, загрузкой БАМа и Транссиба, доступностью трудовых ресурсов, экспортной конъюнктурой, санкционными ограничениями и темпами развития социальной инфраструктуры.

Базовый сценарий предполагает сохранение действующих мер государственной поддержки и постепенную реализацию заявленных инвестиционных проектов без принципиальных изменений внешних условий. Оптимистический сценарий основан на ускорении инфраструктурного строительства, расширении мощностей по переработке сырья, снижении кадрового дефицита и благоприятной внешнеэкономической конъюнктуре. Рисковый сценарий учитывает замедление мировой экономики, транспортные ограничения, дефицит оборудования и обострение кадровых дисбалансов.

Таблица 5. Сценарная оценка развития ДФО к 2028 г. (индекс, 2025 = 100)

Показатель	Рисковый сценарий	Базовый сценарий	Оптимистический сценарий
Валовой региональный продукт	104,0	112,3	116,0

Инвестиции в основной капитал	103,0	117,8	123,0
Промышленное производство	103,5	117,8	121,0
Ввод жилья	101,0	111,7	116,0
Реальная заработная плата	103,0	111,0	114,0
Оборот розничной торговли	104,0	112,6	116,0

Источник: авторская сценарная оценка на основе данных 2023–2025

гг. и ведомственных материалов [1; 3; 4].

Рис. 4. Сценарная оценка развития ДФО к 2028 г.
(индекс, 2025 = 100, авторский расчёт)

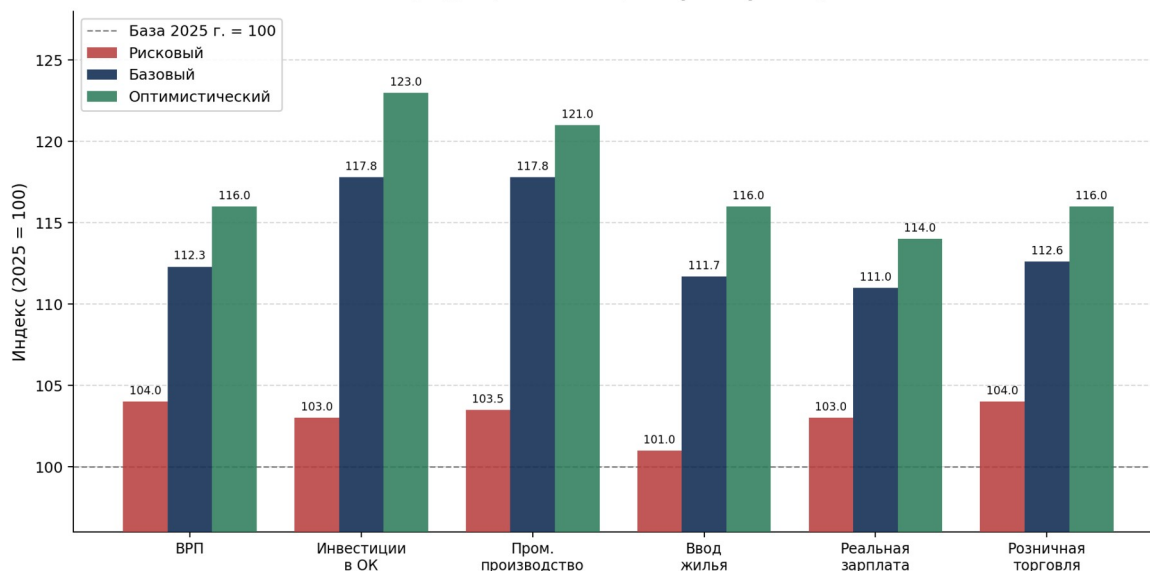

Рис. 4. Сценарная оценка ключевых показателей развития ДФО к 2028 г.
(индекс, 2025 = 100)

Источник: авторская сценарная оценка [1; 3; 4].

Сценарная оценка подтверждает, что даже при сохранении положительной траектории ключевым ограничителем развития выступает не только объём инвестиций, но и способность экономики региона конвертировать инвестиционные потоки в устойчивую занятость, локальные производственные цепочки и социальную привлекательность территории.

4. ОБСУЖДЕНИЕ

Результаты исследования позволяют уточнить характер современного этапа развития Дальнего Востока. Макрорегион демонстрирует признаки экономического оживления: сохраняется высокий

уровень инвестиционной активности, растут отдельные производственные и социальные показатели, а демографическая повестка впервые за длительный период приобрела институционально оформленный характер. Вместе с тем научная интерпретация этих процессов требует взвешенности.

Положительная динамика не означает автоматического преодоления периферийности. Напротив, она выявляет новое противоречие: чем активнее в регионе реализуются капиталоемкие проекты, тем важнее становится вопрос о распределении их эффектов между корпоративными акторами, местным населением, муниципальными бюджетами, малым бизнесом и человеческим капиталом.

В этой связи оценка эффективности ТОР, СПВ и иных преференциальных режимов должна выходить за рамки показателей заявленных инвестиций и числа резидентов. Необходимы дополнительные индикаторы: доля фактически освоенных инвестиций, число устойчивых рабочих мест для местных жителей, доля местных поставщиков в закупках резидентов, влияние на доходы муниципалитетов и качество социальной инфраструктуры.

Зарубежный опыт освоения удалённых и ресурсных территорий — Аляска (США), арктические регионы Норвегии, северные провинции Канады, австралийский Квинсленд — свидетельствует о том, что устойчивость достигается не только налоговыми льготами для бизнеса, но и персональными стимулами для жителей, участием местных сообществ в распределении ресурсной ренты, прозрачным управлением фондами благосостояния и адресным развитием человеческого капитала. Для ДФО это означает необходимость перехода от логики «инвестиции ради роста» к логике «инвестиции ради качества жизни и закрепления населения» [8; 12].

Рис. 5. Концептуальная схема перехода от инвестиционной к комплексной модели развития ДФО

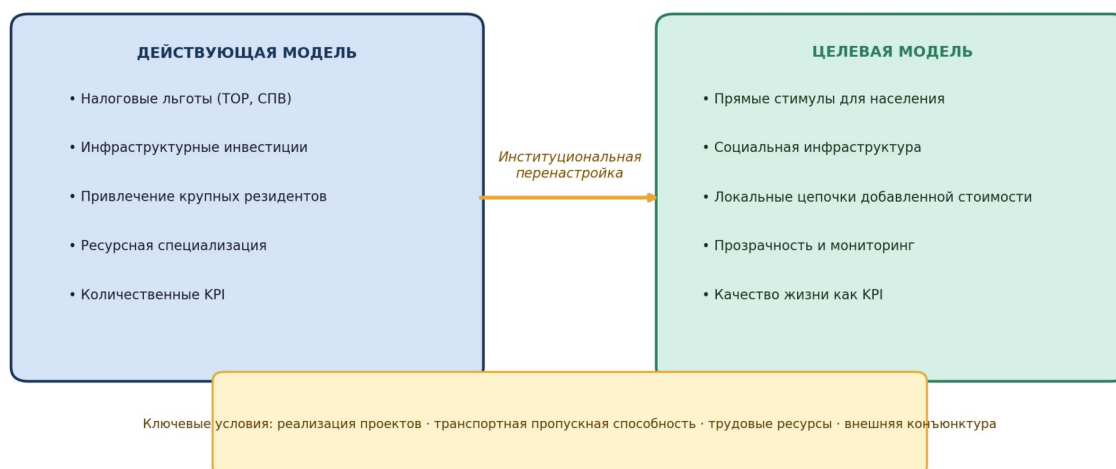

Рис. 5. Концептуальная схема перехода от инвестиционной к комплексной модели развития ДФО

Источник: разработано авторами.

5. ПРАКТИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ

1. Дополнить систему оценки преференциальных режимов социальными индикаторами: миграционной устойчивостью, доступностью жилья, ростом локальной занятости, качеством социальной инфраструктуры и долей местных поставщиков в закупках резидентов ТОР/СПВ.

2. Разработать механизм регулярного мониторинга связи «инвестиции — занятость — качество жизни», позволяющий оценивать долгосрочный социальный эффект крупных проектов в муниципалитетах присутствия.

3. Усилить инструменты закрепления населения: программы льготного жилья для молодых специалистов, компенсацию транспортных и коммунальных издержек, поддержку семей с детьми,

расширение программ медицинского и педагогического кадрового обеспечения отдалённых территорий.

4. Сместить акцент поддержки малого и среднего бизнеса в сторону локальных цепочек добавленной стоимости: переработки сырья, сервисного обслуживания крупных проектов, туризма, креативных и цифровых индустрий, логистики.

5. Повысить прозрачность институтов развития ДФО: публиковать сопоставимые данные о заявленных и фактически вложенных инвестициях, реально созданных рабочих местах, бюджетных и социальных результатах деятельности резидентов.

6. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Современный этап развития Дальнего Востока характеризуется сочетанием инвестиционного ускорения, институционального обновления и сохраняющихся структурных ограничений. Положительная динамика 2024–2025 гг. создаёт окно возможностей, однако не устраняет фундаментальных проблем макрорегиона: сырьевой специализации, высокой стоимости жизни, пространственной разобщённости, кадрового дефицита и межрегиональной поляризации.

Зафиксированный в 2024 г. положительный миграционный сдвиг следует рассматривать как важный, но недостаточный результат. Его устойчивость будет определяться тем, способна ли государственная политика обеспечить не только рабочие места, но и полноценную среду жизни: жильё, медицину, образование, транспортную доступность и социальную защищённость.

Сценарный прогноз до 2028 г. показывает, что базовая траектория развития ДФО остаётся позитивной, однако её качество будет определяться способностью институтов развития перейти от преимущественно инвестиционной логики к комплексной социально-экономической модели.

Научная новизна статьи состоит в уточнении природы противоречия между инвестиционным ускорением и структурными ограничениями, а также в представлении прогноза как сценарной, а не линейной оценки. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его выводов при корректировке программ развития ДФО, проектировании социальных индикаторов эффективности

преференциальных режимов и разработке мер закрепления населения в удалённых регионах.

БЛАГОДАРНОСТИ И ДЕКЛАРАЦИЯ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ИИ

Автор выражает благодарность за консультации и рекомендации, полученные в процессе подготовки исследования. Технологии искусственного интеллекта использовались как вспомогательный инструмент для языковой редакции, структурирования текста и проверки логики изложения. Научная интерпретация данных, выводы и ответственность за содержание статьи принадлежат авторам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1. Федеральная служба государственной статистики (Росстат). Социально-экономическое положение Дальневосточного федерального округа в 2025 году: статистический обзор. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 29.04.2026).**
- 2. Правительство Российской Федерации. Распоряжение от 2 февраля 2026 г. № 170-р «Об утверждении Стратегии демографической политики Дальнего Востока на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». URL: <https://government.ru/docs/57795/> (дата обращения: 29.04.2026).**
- 3. Министерство Российской Федерации по развитию Дальнего Востока и Арктики. Материалы о социально-экономическом развитии Дальнего Востока и реализации мер**

государственной поддержки. URL: <https://minvr.gov.ru/> (дата обращения: 29.04.2026).

4. Правительство Российской Федерации. Поручения по итогам стратегической сессии, посвящённой разработке новой Стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока. URL: <https://government.ru/docs/57511/> (дата обращения: 29.04.2026).

5. Министерство Российской Федерации по развитию Дальнего Востока и Арктики. Материалы о концепции единого преференциального режима для Дальнего Востока и Арктики. URL: https://minvr.gov.ru/press-center/news/kakim_budet_edinyu_dlya_dalnego_vostoka_i_arktiki_refrezhim_rasskazali_na_vef/ (дата обращения: 29.04.2026).

6. Корпорация развития Дальнего Востока и Арктики (КРДВ). Официальные материалы о реализации проектов ТОР и Свободного порта Владивосток. URL: <https://erdc.ru/> (дата обращения: 29.04.2026).

7. Гранберг А. Г. Основы региональной экономики. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 495 с.

8. Минакир П. А. Пространственные трансформации в российской экономике. М.: Экономика, 2011. 432 с.

9. Зубаревич Н. В. Регионы России в новых экономических условиях: социально-демографический срез // Вестник Московского университета. Серия 5: География. 2024. № 3. С. 15–25.

10. Auty R. M. Resource Abundance and Economic Development. Oxford: Oxford University Press, 2001. 340 p.

11. Sachs J. D., Warner A. M. The Curse of Natural Resources // European Economic Review. 2001. Vol. 45. P. 827–838.

12. Krugman P. Geography and Trade. Cambridge: MIT Press, 1991. 142 p.